

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.7>

Муртазалиев Ахмед Магомедович, Мухамедова Фатыма Хамзаевна,
Набигулаева Маржанат Набигулаевна

ВОСТОЧНЫЕ (ТУРЕЦКИЕ) ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ МАХМУДА ИЗ КАХАБРОСО

В современном дагестанском литературоведении поэзия классика аварской литературы Махмуда из Кахабросо воспринимается в контексте воспевания любви, образа горской женщины, символа прекрасного, возвышенного. Вместе с тем творчество поэта настолько содержательно, что его по праву считают вершиной национального поэтического слова второй половины XIX - начала XX века. Творческая восприимчивость, умение чувствовать слово позволили ему основательно изучить словесную культуру народов мусульманского Востока, в том числе и тюркского мира, заглянуть в глубину ее содержания, понять ее особенности. В статье сделана попытка проследить влияние восточной (турецкой) действительности на поэзию классика аварской литературы, раскрыть роль заимствований (мотивов, образов, персонажей) в создании образно-символического ряда его поэтического творчества, их воздействие на характер поэтики произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 33-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.35

Дата поступления рукописи: 14.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.7>

В современном дагестанском литературоведении поэзия классика аварской литературы Махмуда из Кахабросо воспринимается в контексте воспевания любви, образа горской женщины, символа прекрасного, возвышенного. Вместе с тем творчество поэта настолько содержательно, что его по праву считают вершиной национального поэтического слова второй половины XIX – начала XX века. Творческая восприимчивость, умение чувствовать слово позволили ему основательно изучить словесную культуру народов мусульманского Востока, в том числе и тюркского мира, заглянуть в глубину ее содержания, понять ее особенности. В статье сделана попытка проследить влияние восточной (турецкой) действительности на поэзию классика аварской литературы, раскрыть роль заимствований (мотивов, образов, персонажей) в создании образно-символического ряда его поэтического творчества, их воздействие на характер поэтики произведений.

Ключевые слова и фразы: аварская поэзия; восточно-мусульманская литература; поэтический мир Махмуда из Кахабросо; турецкая тематика; метафорический ряд; нюансы интимной лирики.

Муртазалиев Ахмед Магомедович, д. филол. н.

Мухамедова Фатыма Хамзаевна, д. филол. н.

Набигулаева Маржанат Набигулаевна, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы

Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала

ahmurt@mail.ru; fmuhamedova@mail.ru; nabmar2012@yandex.ru

ВОСТОЧНЫЕ (ТУРЕЦКИЕ) ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ МАХМУДА ИЗ КАХАБРОСО

В течение многих веков в Дагестане действующей, живой художественной системой было восточное (арабское, персидское, турецкое) словесное искусство, которое оказало громадное воздействие на местную художественную культуру, особенно поэзию. Заметное влияние восточно-мусульманская литература, в частности турецкая, оказала и на творчество классика аварской поэзии Махмуда из Кахабросо (1873-1919). Это влияние выражалось не только в интенсивном введении им в свои произведения ее мотивов, образов, персонажей, но и в следовании в определенной степени ее характерной поэтике, яркой, экспрессивной выразительности, конкретной лексике и антитетичности, гиперболизированным чувствам и переживаниям, напряженному ритмико-интонационному синтаксису. Как отмечает Ч. С. Юсупова, «ориентализм Махмуда – в сопричастности его лирики, прежде всего, к выработанному восточной поэзией культу высоких человеческих качеств – мужества и стойкости, великодушия и благородства, беспредельной верности и высоты духа, – к ее возвышенным образам влюбленных и истории их драматичной любви, к идеалу совершенного человека в образе самоотверженного влюбленного» [10, с. 48-49].

Переломной эпохой в истории дагестанско-турецких литературных связей является XIX век. Если до этого периода эти связи были не столь интенсивными в плане влияния турецкой действительности на творчество дагестанских авторов, то начиная с XIX века, особенно со второй его половины, элементы, реалии, образы турецкого мира органично входят в художественное сознание местных мастеров слова. Этому во многом способствовали в том числе и те трагические события, которые имели место на протяжении всего XIX века в судьбе Дагестана: многолетняя антиколониальная война против России, восстание 1877 года, русско-турецкая война 1877-1878 гг., в которую были втянуты народы Дагестана и Турции. И как результат этих катаклизмов – неоднократный исход тысячи дагестанцев с исторической родины и расселение их на территории Османской империи. Несмотря на трагический характер этих событий, все же следует отметить, что они сыграли и позитивную роль в самопознании дагестанского и турецкого народов, в установлении между ними тесных контактов, в том числе и в словесной культуре. Исторические катаклизмы в судьбах двух народов непосредственным образом отразились в их литературах, наполнив их новым содержанием, обогатив поэтику.

Интенсивное проникновение турецких мотивов в дагестанскую поэзию в контексте влияния ориентальной художественной культуры наблюдается во второй половине XIX в., когда многовековые связи Дагестана и Турции в самых разных областях жизни, перейдя на более содержательный, качественный уровень, получили новый, более мощный импульс.

В данном процессе особо следует отметить роль турецкой литературы разного жанра – научной, учебной, художественной, религиозной, – получившей массовое распространение в Дагестане в отмеченный период. Эта литература пользовалась большим спросом и популярностью среди местного населения, особенно интеллигенции, которая таким образом приобщалась к культурной жизни не только османского общества, но и других народов, в том числе и европейских.

Оценивая роль турецкой книги в общественно-культурной жизни Дагестана в начале XX века, участник дагестанской лингвистической экспедиции 1923 года известный ученый-языковед, профессор Л. И. Жирков писал: «За арабской книгой идет турецкая, как более доступная. В аулах Аварии вы подчас найдете учебник географии на турецком языке, переведенную с французского геологию, физику. Но турецким языком владеют

уже не все из “младоаварцев”. Кстати надо заметить, что культурная роль турецкой книги не стоит ни в какой связи с каким бы то ни было туркофильством. Горцы просто хотят учиться арифметике, познакомиться с физикой и геологией и берут турецкую книгу, которая до сих пор шла туда впереди русской» [5, с. 39].

Проникая в Дагестан на рубеже XIX-XX вв., богатая и разнообразная по своему художественно-эстетическому содержанию турецкая литература, наряду с арабской и персидской, оказывала позитивное влияние на национальное словесное искусство дагестанцев. Она обогащала его жанровую систему, идейно-тематическое содержание новыми образцами, мотивами, сюжетами и темами. Отмечая глубину и характер этого воздействия, академик Г. Г. Гамзатов пишет: «Прежде всего, поэтическим традициям Востока обязаны литературы народов Кавказа, Дагестана становлением и развитием в их эстетическом арсенале целого ряда жанров дидактической, панегирической, сатирической, в ведущих своих чертах гуманистической линии национальной поэтической культуры» [3, с. 437].

В отмеченный период мало было авторов, в творчестве которых не была бы реализована атрибутика турецкой действительности (мотивы, образы, сюжеты и пр.). Чаще всего встречаются образы Стамбула, правителя Османской империи (хункар, падишах, султан), имя «османы» и образованные от них и с ними разные сочетания. Часто используются также образы городов-крепостей Эрзурума, Карса и пр.

Одним из известных событий, нашедших свое отражение в дагестанской литературе второй половины XIX века, была русско-турецкая война 1877-1878 гг. В фольклоре и в художественной литературе народов Дагестана этому историческому событию посвящено несколько поэтических произведений разного жанра. Например, аварский народный «Плач по сыну имама Шамиля», в котором воспевается образ Газимухамада, старшего сына известной исторической личности:

Карс бахъулеб къояль къокъада цеве
Къвакун чей бицуна апизерзабаз.
Бадру-УхИудалда ХИамзат киниги,
ХИубикъ вагъараб куц жеги кЮченчЮ [1, с. 388]. /

Офицеры рассказывают о твоей твердости
Во главе отряда в день штурма Карса.
Еще не забыли, как ты воевал при Хубитле¹,
Словно Хамзат при Бадру-Ухуде (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – А. М.).

С образом турецкой крепости Карс связано также другое стихотворение аварского фольклора – «Плач по Малачилаву». В основе его композиции лежит диалог матери и дочери, который происходит между ними на одной из улиц аула.

Некоторые реминисценции русско-турецкой войны можно наблюдать в «Прощальной песне» девушки Патимат из аула Чох, сложенной ею на проводах своего любимого Шахунил Мухамада, отправляющегося на русско-турецкую войну в составе 3-го Дагестанского иррегулярного конного полка.

Единственным авторским произведением, целиком посвященным теме участия дагестанцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., сражению у крепости Карс, является эпическое сочинение «Песня о взятии Карса». Ее автор – известный аварский поэт Амир-Али из Телетля – непосредственный участник описываемых в произведении исторических событий.

По художественному строю, в частности по жанровым признакам, «Песня о взятии Карса» близка к батальной поэзии аварцев. Однако в идейно-тематическом плане она отличается от произведений дагестанских авторов XIX века, посвященных героической борьбе народа против иноземных захватчиков, т.к. в ней воспевается боевая история дагестанцев, впервые сражавшихся за пределами своей родины в рядах русского войска. Поэт, участник описываемых событий, выступает больше как посторонний наблюдатель, беспристрастно фиксирующий боевые будни, ход батальных сражений, эпизоды локальных столкновений, в которых принимают участие воюющие стороны, в том числе и дагестанцы.

Часто встречаемым турецким элементом в дагестанской литературе прошлого является образ османского правителя. Как правило, он используется в качестве идеи- и сюжетобразующих элементов второго, вспомогательного плана. Между тем в дагестанской поэтической практике имеется пример посвящения крупного сочинения одному из самых известных правителей Османской империи – султану Абдул-Хамиду II. Его автором является Нажмудин Гоцинский.

Образ султана Абдул-Хамида находится в центре поэтического повествования в стихотворении другого дагестанского автора, классика аварской поэзии Тажудина (Чанка) из Батлаича – «Радостное послание» [8].

Примером творческого освоения турецких мотивов дагестанскими авторами на рубеже XIX – начала XX в. является поэзия великого аварского лирика Махмуда из Кахабросо. В его устах эти мотивы органически вписываются в контекст произведений, дополняя и обогащая их изобразительно-выразительное пространство и многоцветную палитру, расширяя и углубляя географию поэтического мировидения.

Об ориентальных мотивах в эстетической системе Махмуда из Кахабросо писали академик Г. Г. Гамзатов [3], литературовед Ч. С. Юсупова [10], журналист М.-К. Г. Гимбатов [4]. Творчество поэта буквально «инкрустировано» (Ч. С. Юсупова), пронизано восточными мотивами. Они встречаются в стихотворениях: «Макъу»

¹ Хубитль – местность близ аула Гуниб в Дагестане.

(«Сон»), «Хъахлаб зодихъе баГарбакъил нур...» («О, Господи, правду скажи...»), «Ральдалъе бакъ тѢрхъани...» («Если солнце утонет в море...»), «Рокъул ца бакараб керенги чучун...» («Облегчив сердце, сжигаемое любовью...»), «ГѢшкъул цѢца кваналѢб...» («Съедаемое огнем любви...»), «Рокъул глораль аяб нусабо лага...» («Чтоб сто частей тела поток любви унес...»), «Гарапаб къоялъул къальул гѢужалда...» («После обеда в день Арафы...»), «Рокъул гѢутѢбздаса тѢмах...» («Листья с деревьев любви...»), «Балагъея, гадамал, дагъаб калам гъабизин...» («Послушайте, люди, немного поговорю...»), «ГѢшкъул цѢца кваналѢб...» («Съедаемый огнем страсти...»), «Истамбул читальул чергес хъабалай» («Стамбульского ситца черкесский кабалай...»), «Меседил рукъбузда рокъул...» («На золотых руках любви...»), «Меседил шакъиялъ, гѢрцул къаламалъ...» («Золотыми чернилами, серебряным пером...») и др.

Ориентальные мотивы, вошедшие в поэтический мир Махмуда, подвергаются в нем национальной адаптации, подчиняясь эстетическим нормам и этнопсихологическим закономерностям выражения чувств в аварской поэзии. «Даже в тех случаях, когда он использует образцы древней арабской поэзии, они под его пером волшебным образом превращаются в образцы дагестанские...», – подметил эту особенность поэтики великого классика критик и переводчик С. Липкин [6, с. 8].

В качестве примера возьмем отрывок из стихотворения Махмуда «Ральдалъе бакъ тѢрхъани...» («Если солнце утонет в море...»), в котором турецкие мотивы естественным образом введены в аварскую поэтическую стихию. Органичное сочетание поэтом элементов турецкого мира: Къунстантин къирал (король Константин), ГѢсманиял (османы), Истамбул (Стамбул), Арзурум (Эрзурум) и исконно аварских лексем образуют великолепные метафорические образы «Къунстантин къираласул / Къубдуз биунеб месед», «ГѢсманиялз бессулеб / Истамбулалъул къолден», «Арзурум тун къокъунеб, / Къама меседил гѢанса», возвышающие любимую. Они придают особую выразительность, эмоциональность и оценочность речи лирического героя, обращенной к его возлюбленной:

Къунстантин къираласул
Къубдуз биунеб месед,
Ясазе бугеб раГѢ
РаГѢун дуге гѢоларо.
ГѢсманиялз бессулеб
Истамбулалъул къолден,
Къуръанишца рещтѢинеб,
АварагѢи гурелъул!
Арзурум тун къокъунеб,
Къама меседил гѢанса,
ГѢадангин сурпаялде
Юссун мун кваналадай [7, с. 49]. /

Золото, обрабатываемое мастерами
Правителя Константинополя,
Для тебя недостаточно услышать
Слово, сказанное другим девушкам.
Стамбульская кольчуга,
Сотканная османами,
Коран, что ли должен спуститься,
Ведь не пророк же!
Тетерев с золотым гребешком,
Пролетающий над Эрзурумом,
Возможно ли, чтобы ты
Ела с людьми за одним столом?

Турецкая тематика, мастерски вплетенная Махмудом в художественную ткань своих произведений, показывает, что поэт, никогда не посещавший Турцию, прекрасно ориентируется в ее реалиях. В частности, он демонстрирует хорошее знание географии, истории страны, тонкостей ее политической, культурной и экономической жизни, повседневного быта турецкого народа. Возникает вопрос: откуда такая осведомленность, какие источники питали знания, интеллект, мировоззрение, мировосприятие поэта?

Интересы Махмуда, масштаб и широту его кругозора следует рассматривать как результат образования, которое он получил в примечетъской школе, где преподавали не только богословские дисциплины. «Медресе играли немалую роль в духовном воспитании горской молодежи. Закладывая достаточно высокий образовательный потенциал, они давали муталимам универсальные по тем временам знания. В них изучали арабский язык, знание которого дало дагестанцам многое. Они получали возможность приобщения к древней арабской поэтической культуре, искусству Востока, философским учениям Индии и Китая и через них к мировой науке и культуре. Муталимы в медресе изучали наряду с богословием и математику, космографию, логику, лексику, риторику, юриспруденцию, историю, грамматику» [8, с. 6].

И, наконец, жизненный опыт и практика самого поэта, его пребывание в разных регионах страны, встречи с представителями различных культур, в том числе и восточно-мусульманской, также способствовали обогащению его знаний о Востоке и, в частности, об Османской империи, ее народе, художественной культуре, поэзии.

Обращение Махмуда в своих творческих исканиях к восточным (турецким) мотивам обусловлено, прежде всего, тем, что в реалиях мусульманского Востока, в жизни его народов, в поведении и поступках правителей, в достижениях экономики и культуры он обнаруживал образы, сюжеты, мотивы, отвечавшие его эстетическим запросам и потому достойные адаптации в национальном поэтическом контексте.

Как уже было отмечено, аварский лирик в своих произведениях наиболее часто использует такие элементы турецкой действительности, как ГѢсманиял (османы), Харс (Карс), Арзурум (Эрзурум), Истамбул (Стамбул), хункар и др. Вникая в их содержание, постигая их семантику, поэт образует метафорические образы, передающие самые тонкие, интимные нюансы и оттенки душевного состояния лирического героя. Кроме того, они подчеркивают особенность, характер, а также степень напряжения чувств самого поэта.

Рассмотрим пример использования Махмудом турецких мотивов в качестве художественных средств для передачи душевного состояния, чувств лирического героя, терзаемого муками неразделенной любви:

Италиязулу тукадул харай
Халкъаль ретун буго, тIад гьабун босун.
Дихъги руго кепкал падишагъасул,
Палаток шоларо шуго гьуршиде [7, с. 145]. /

Шелк из итальянских магазинов
Народ носит с удовольствием.
И у меня есть падишаха копейки,
Но не найду платка и за пять рублей.

К элементам турецкой действительности поэт чаще всего прибегает при воспевании физической красоты человека, в частности лирической героини, особенно элементов ее стана:

КагIбарукъ къачIалей къурайшиялгул,
Шалил чохтIоялгухъ чара хун буго.
Чундуз магIу тIолей гIарабиялгул
ГIусмани тастараль туризавуна [Там же, с. 170]. /

Я страдаю по чохто из шали
Курайшитки, украшающей Каабу.
Меня замучил османский платок
Аравитянки, по которой туры льют слезы.

КъвакIарал курмул ругин, бахьиаб керен бугин,
Кагътида мухъ гIадиаб кIиябго къенсер бугин.
Къурарал чиллай гIадал чохтIинир гьалал ругин,
Хункарасул яс гIадай чIухIарай дунго йигин
[Там же, с. 334]. /

Твердые груди, белая грудь,
Две брови, словно линии на бумаге.
Косы в чохто, словно скрученный шелк,
И сама я гордая, словно дочь хункара.

Итак, многовековое функционирование в Дагестане восточно-мусульманской (арабской, персидской, турецкой) художественной системы, увлечение ею Махмудом из Кахабросо нашло свое отражение в его творчестве. Однако мотивы и образы восточной (турецкой) действительности, преломляясь сквозь его поэтическое сознание, получают в его произведениях иное, адаптированное к их природе, этнопсихологическим особенностям смысловое наполнение. Турецкие элементы сыграли важную роль в формировании образно-символических рядов поэзии Махмуда из Кахабросо, способствовали глубокой и многогранной интерпретации его творчества, обогащению любовного стихотворения, специфической образной системы, характеристик, поэтики и стиля.

Список источников

1. **Аварские народные песни** / сост. С. М. Хайбуллаев, М.-К. М. Гимбатов; на авар. яз. Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2001. 424 с.
2. **Гамзатов Г. Г.** Дагестанское Возрождение и классическое наследие Махмуда из Кахабросо // Могучий поэт, великий лирик. О Махмуде из Кахабросо. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2010. С. 3-16.
3. **Гамзатов Г. Г.** Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996. 653 с.
4. **Гимбатов М.-К. Г.** Махмуд из Кахабросо и арабская литература / на авар. яз. // Дружба. 1999. № 2. С. 69-81; № 3-4. С. 85-95.
5. **Жирков Л. И.** Старая и новая аварская песня // Могучий поэт, великий лирик. О Махмуде из Кахабросо. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2010. С. 36-61.
6. **Липкин С. И.** Любимец гор // Махмуд из Кахабросо. Песни любви. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 3-10.
7. **Махмуд из Кахабросо.** Стихи / на авар. яз. Махачкала, 1998. 412 с.
8. **Чанка** / сост. З. З. Гаджиева; на авар. и рус. яз. Махачкала, 2006. 212 с.
9. **Чанка из Батлача.** Стихи / на авар. яз. Махачкала: Юпитер, 1991. 144 с.
10. **Юсупова Ч. С.** Махмуд из Кахабросо. Высший духовный подвиг. Махачкала, 2003. 256 с.

THE EASTERN (TURKISH) BORROWINGS IN THE POETRY OF MAHMOUD FROM KAKHABROSO

Murtazaliev Ahmed Magomedovich, Doctor in Philology
Mukhamedova Fatyma Hamzaevna, Doctor in Philology
Nabigulaeva Marjanat Nabigulaevna, Ph. D. in Philology

*G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
ahmurt@mail.ru; fmuhamedova@mail.ru; nabmar2012@yandex.ru*

In modern Dagestan literary criticism the poetry of the classic of the Avar literature Mahmoud from Kakhabroso is perceived in the context of chanting love, the image of a mountain woman, a symbol of beauty and exaltation. At the same time, the poet's work is so substantial that he is rightly considered to be the apex of the national poetic word of the second half of the XIX – the beginning of the XX century. Creative receptivity, the ability to feel the word allowed him to study thoroughly the verbal culture of the peoples of the Muslim East, including the Turkic world, to look into the depth of its content, to understand its features. The article attempts to trace the influence of the Eastern (Turkish) reality on the poetry of the classic of the Avar literature, to reveal the role of borrowings (motives, images, characters) in the creation of figurative and symbolic row of his poetic creativity, their impact on the nature of his poetics.

Key words and phrases: Avar poetry; East Muslim literature; poetic world of Mahmoud from Kakhabroso; Turkish themes; metaphorical series; nuances of intimate lyrics.